

Полицейская деятельность

Правильная ссылка на статью:

Каримова Т.С. Особенности лингвистической экспертизы текстов диалогов по антикоррупционным делам //

Полицейская деятельность. 2024. № 1. DOI: 10.7256/2454-0692.2024.1.69818 EDN: DWHIRO URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69818

Особенности лингвистической экспертизы текстов диалогов по антикоррупционным делам

Каримова Татьяна Сергеевна

кандидат педагогических наук

заведующий кафедрой, кафедра иностранных языков и культуры речи, Восточно-Сибирский институт
МВД России

664074, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110

✉ karimova_tanya@internet.ru

[Статья из рубрики "Полиция и проблемы противодействия коррупции"](#)

DOI:

10.7256/2454-0692.2024.1.69818

EDN:

DWHIRO

Дата направления статьи в редакцию:

07-02-2024

Дата публикации:

14-02-2024

Аннотация: Предметом исследования явились слова-маркеры, языковые способы, выявляющие лингвистические признаки дискурса, имеющего содержательно-смысловую направленность на получение или передачу ценностей за действия получателя (бездействия), в пользу дающего. Объектом исследования являются тексты-диалоги, имеющие признаки коррупционного речевого поведения. Целью данной работы стало проведение коммуникативного анализа коррупционного речевого поведения в тексте-диалоге: принять незаконное вознаграждение за совершение действий (бездействия) по службе в целях получения ценностей в случае достижения договоренности между указанными лицами. Главной задачей лингво-криминалистической экспертизы по антикоррупционным делам является установление события по его речевому отображению: требуется доказать, что в диалоге идет речь о передаче денежных

средств. Для решения этого вопроса необходимо провести коммуникативный анализ текста-диалога. Методология исследования связана с проведением коммуникативного анализа текстов-диалогов, имеющих признаки коррупционного содержания, опираясь на работы Д.Л. Карпова, «на теоретико-практические труды А. Н. Баранова, К. И. Бринёва, Е. Н. Галяшиной, М. А. Грачёва, И. А. Стернина и др., посвящённые делам, связанным с коррупцией. Научная новизна работы заключается в использовании коммуникативного подхода в рамках анализа текста-диалога, логико-смыслового и функционально-стилистического анализа. Представлен анализ экспертного исследования текста-диалога по антикоррупционным делам, разработан понятийный аппарат. В результате исследования пришли к выводу, что, главной задачей лингвистической экспертизы по антикоррупционным делам является установление события по его речевому отображению посредством применения комплекса семантических и прагматических приёмов дискурсивного анализа, что позволяет уточнить признаки разговорного диалога, значимые для правовой квалификации речевых преступлений. При проведении коммуникативного анализа коррупционного текста важно выявить признаки коррупционного речевого поведения. При анализе коммуникативной коррупционной ситуации необходимо рассмотреть речевые стратегии и тактики участников диалога, которые в конечном счете, позволяют определить истинные намерения коммуникантов, направленные на достижение коммуникативной цели.

Ключевые слова:

коррупция, коррупционный коммуникативный акт, слова-маркеры, речевые стратегии, речевые тактики, лингвистическая экспертиза, маскировка содержания разговора, семантический анализ дискурса, методика экспертного исследования, языковедческие науки

В современном мире коррупцию выделяют как одно из наиболее пагубных социальных явлений, затрагивающих интересы национальной безопасности государств, оказывающих разрушающее воздействие на различные сферы общественной жизни, подрывающих авторитет органов государственной власти и управления, поскольку при коррупции органы государственной власти перестают осуществлять государственные функции и вместо исполнения функций по защите граждан превращаются в носителя опасности для их прав и свобод.

Следует отметить, что в настоящее время экономические и правовые аспекты изучения коррупционного поведения достаточно четко сформулированы и закреплены нормативно. По мнению И.А. Стернина, «борьба с коррупцией в нашей стране имеет и ярко выраженный лингвистический аспект», поскольку при проведении лингво-криминалистической экспертизы «коррупционных текстов необходимо инвентаризировать лексические единицы, развернутые обороты речи, которые могут нести коррупционный смысл» [\[3\]](#). Как отмечает Д.Л. Карпов, «в теоретико-практических трудах А. Н. Баранова, К. И. Бринёва, Е. Н. Галяшиной, М. А. Грачёва, И. А. Стернина и др., посвящённых делам, связанным с коррупцией, разработан понятийный аппарат, методология анализа текстов с потенциальным коррупционным содержанием» [\[11\]](#).

В научных исследованиях Н.В. Вязигиной, Т. А. Сидоровой, С.В. Дорониной, Т.В. Варлаковой проведён коммуникативный анализ текстов-диалогов, имеющих признаки коррупционного содержания.

Т.В. Варлакова отмечает, что «в рамках судебной лингвистической экспертизы по делам о взятках, когда анализируются разговорные тексты, наиболее целесообразен коммуникативный подход, который актуален для современной языковедческой науки, а также логико-смысловой и функционально-стилистический анализ» [3].

Так, например, по словам Д.Л. Карпова, «Н. В. Вязигина при диалоге о взятке, прежде всего, рассматривает речевые стратегии участника, исполняющего роль «взяткополучателя» [11]. Т.А. Сидорова детально описывает коррупционный коммуникативный акт, выделяя основные компоненты и аспекты коммуникативной ситуации, основные стратегии, используемые коммуникантами, но при этом автор обращается к поведению как дающего взятку, так и получающего» [17].

С.В. Доронина считает, что коррупционный текст следует рассматривать как «тайнопись, которая реализуется с помощью ряда языковых средств: эвфемизмы, эллипсисы, указательные местоимения и пр.» [8]. Также С.В. Доронина, анализируя дискурсивный аспект коррупционного диалога, изучая не только приёмы сокрытия содержания разговора, но и речевые тактики, которые применяются участниками, «поднимает актуальную проблему побуждения к экспликации намерений взяткодателя, к которому прибегают сотрудники полиции для выявления преступных намерений задержанного» [8].

При проведении коммуникативного анализа коррупционного текста важно выявить признаки коррупционного речевого поведения. Признаками коррупционного речевого поведения в текстах-диалогах, по мнению Е.И. Галяшиной, являются «речевые акты: требование, понуждение, принуждение, просьба, обещание, предложение, уговоры и т.д.» [6]. Е.И. Галяшина также отмечает, что «обещание или предложение передать либо принять незаконное вознаграждение за совершение действий (бездействия) по службе при квалификации содеянного будут рассматриваться как умышленное создание условий для совершения соответствующих коррупционных преступлений в случае, когда высказанное лицом намерение передать или получить взятку либо предмет коммерческого подкупа было направлено на доведение его до сведения других лиц в целях дачи им либо получения от них ценностей, а также в случае достижения договоренности между указанными лицами» [6].

Следует отметить, что при анализе коммуникативной коррупционной ситуации необходимо рассмотреть речевые стратегии и тактики участников диалога, которые в конечном счете, позволяют определить истинные намерения коммуникантов, направленные на достижение коммуникативной цели. По мнению Е.В. Ключева, «используя коммуникативную компетенцию, говорящий ставит перед собой коммуникативную цель (определяя или не определяя коммуникативную перспективу, то есть возможность вызвать желаемые последствия в реальности) и, следуя определенной коммуникативной интенции (намерению), вырабатывает коммуникативную стратегию, которая преобразуется в коммуникативную тактику (или не преобразуется, или преобразуется неуспешно) как совокупность коммуникативных намерений» [13].

Проанализируем определения понятий «речевая тактика», «речевая стратегия».

О.С. Иссерс понимает речевую стратегию как совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего, а речевой тактикой считает одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [10]. При выборе речевой стратегии, как отмечает О. С. Иссерс, необходимо учитывать «ситуацию общения, коммуникативную ситуацию, роли, которые исполняют

участники, различия в обстановке и местонахождении, определение того, какие речевые акты уместны, какое семантическое содержание следует выражать, какое стилистическое оформление приемлемо» Важнейшие параметры в описании речевой стратегии, как отмечает О. С. Иссерс, это «прогнозирование и контроль» [\[10\]](#). По мнению О. С. Иссерс, «прогнозирование речевых действий означает, что человек учитывает информацию о взаимосвязях между его будущими речевыми действиями и ситуацией, то есть собеседник выбирает такую модель речевого поведения, которая не приведёт к коммуникативной неудаче. Контроль означает, что в процессе речевого взаимодействия говорящий пытается направлять релевантные интеллектуальные и эмоциональные процессы слушающего (его интересы, оценки, рассуждения) таким образом, чтобы те, в конечном счёте, привели его к нужному решению (состоянию), то есть достичь поставленных целей: коммуникативной и реальной» [\[10\]](#). Как отмечает О. С. Иссерс, «каждая тактика направлена на определённые аспекты модели мира адресата и его психики (знания, оценки, желания). Суть применения конкретной тактики состоит в том, чтобы изменить конфигурацию этих параметров в нужном направлении: усилить какие-либо желания, изменить оценки, трансформировать образ какой-либо ситуации». С помощью использования речевой тактики говорящий тем или иным образом пытается воздействовать на адресата, внести изменения в его картину мира, которые и приведут говорящего к достижению поставленных им целей» [\[10\]](#).

Рассмотрим речевые стратегии, которые используются коммуниканты в тексте-диалоге, имеющим признаки коррупционной направленности.

Так, Д.Л. Карпов выделяет следующие речевые стратегии взяткодателя.

Первая стратегия, по мнению Д.Л. Карпова, использование уговоров через навязчивое употребление просьбы, посредством многократного повторения одной и той же мысли в различных вариациях (Ну что по этому? Это самое..); многократного употребления одних и тех же лексем, имеющих в данном контексте коррупционное значение, например: «премия», «давай премируем тебя», «надо выдать тебе премию», «благодарность выдам», «моя благодарность не будет иметь границ указывает на то, что взяткодатель в высокой степени заинтересован в решении дела в свою пользу [\[11\]](#).

Вторая стратегия – стратегия маскировки содержания разговора. Чаще всего взяткодатель обращается к эвфемизации: использует слова и выражения, семантически близкие к понятию «взятка» (премия, благодарность, решить вопрос, договориться и др.). Так, в Словаре синонимов Н.Абрамова синонимами слова «взятка» являются следующие слова: мзда, бакшиш, калым, подачка, гостинцы, посул, зарплата, жалованье, оклад, заработок, пенсия, прогон, сумма, выигрыш, навар, сумма, доход, профит, прибыль, дивиденд, процент, барыш, нажива, добыча, хабар, плата, выручка, подмазка, магарыч, хала, нагар, разрешение, предоставление, вручение, дача, предлог, девушка, повод, куш, хабара, барашек в бумажке, леве, цыпа, хапанцы [\[1\]](#). Следует отметить, что именно эти слова в определённой речевой коммуникации являются своеобразными сигналами, индикаторами, поскольку, как отмечает Д.Л. Карпов, «слово имеет цель доставить информацию по коммуникативной цепи, чаще всего эта информация доступна и понятна только адресанту и адресату», и это необходимо учитывать при коммуникативном анализе коррупционного текста [\[12\]](#).

Третья стратегия – стратегия завуалировано передать информацию. Так, например, одно из самых распространённых выражений, используемых для сокрытия смысла, – «решить вопрос», а также «помочь», «договориться». Отметим, что в текстах-диалогах,

представленных для выявления коррупционного содержания, выражение «решить вопрос» имеет нетрадиционную форму употребления: отсутствует зависимое слово, объясняющее, какой именно вопрос следует решить [11].

Таким образом, при коммуникативном анализе текста-диалога на выявление признаков коррупционного поведения коммуникантов при проведении лингвистической экспертизы являются «речевые акты: требование, понуждение, принуждение, просьба, обещание, предложение, уговоры и т.д.» [6]; многократное использование лексем, семантически близких к понятию «взятка» (премия, благодарность, решить вопрос, договориться и др.); завуалированная передача информации посредством распространенных выражений, используемых для сокрытия смысла (например, решить вопрос).

При проведении экспертизы спорного текста перед экспертом поставлены следующие вопросы:

1. «Идёт ли речь в представленных на исследование аудио- и видеозаписях о передаче денежных средств от одного собеседника к другому? Каковы речевые указания на предназначение этих денежных средств?
2. Содержатся ли в представленных на исследование аудиозаписях требования передачи чужого имущества или права на него или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия, либо уничтожения или повреждения чужого имущества?
3. Имеются ли в представленных на исследование аудиозаписях признаки побуждения к передаче денежных средств за совершение каких-либо действий, либо за бездействие? Если да, то о каких действиях, или о каком бездействии идёт речь? Кто является субъектом побуждения?
4. Имеются ли в представленных на исследование аудиозаписях признаки маскировки содержательных элементов разговора? Можно ли определить значение замаскированных элементов текста или их характеристики?
5. Имеется ли в представленных на исследование аудиозаписях речевой акт согласия на получение денежных средств?».

Из обстоятельств дела известно, что с целью установления объектов, имеющих отношение к предмету экспертного исследования, экспертом было проведено прослушивание фонограмм разговоров, зафиксированных на представленных оптических дисках.

В результате прослушивания был определен устный текст, имеющий отношение к предмету экспертного исследования, содержащийся в границах спорной фонограммы (в дальнейшем – текст на спорной фонограмме СТ на СФ).

М2- Здравствуйте.

М1- Напомните, как вас?

М2- XXXXXXXXXXXX.

М1- А, XXXXX.

М1- XXXXXXXXXXXX, так о чём у нас шла речь? Заработался я.... Сегодня целый день, я вам серьёзно говорю, суэта, турнир был по шахматам.

М2- М-м.

М1- Я даже, извините, на горшок еле успеваю.... Вы что, по вчерашнему вопросу, да?

М2- Ну да...

М1- А-ааа, Всё, я понял. Чё вы, к сыну ходили?

М2- Ну, да.

М1- С ним разговаривали?

М2- Ну, да конечно разговаривал.

М1- Ну и чё он говорит?

М2- Ну а чё он говорит: да я не знаю.

М1- В смысле? Чё не знает?

М2- Ну вот я с него не стрелял, говорит, чё... патрон какой-то был у него ...

М1- Угу.

М2- Вот так вот.

М1- Вы у него уточнили чё и как?

М2- Ну, естественно. А чё-, чё у него можно уточнить, если он вот, до последнего (протянул). Я говорю: ты чё так делаешь? Я говорю, ты нехорошее дело вообще... Ты хоть сказал бы чё-то, как-то, чё-ё-

М1- Ага.

М2- А мне теперь бегай, решай....

М1- Вы ему рассказывали, что вы-

М2- Ага.

М1- А он?

М2- Он-то чё, голову нагнул, молчит...

М1- Угу. Я понял. Ну, я сегодня не смотрел ещё. Турнир был, времени не было, вот щас, посижу вот чуть-чуть, пойду, поужинаю, и тогда начнём.

М2- Так чё, мне тогда ещё подъехать?

М1- Да не, подъезжать – смысл? Дело в том, что-

М2- Да-а.

М1- Сегодня я её сделаю, завтра утром у меня её уже заберут. Мне её нужно её уже отдать, понимаете?

М2- М-м, угу.

М1- У меня сроки тоже подходят, поэтому-

М2- Всё, понял, понял-

М1- Поэтому никак.

М2- Ясно.

[пауза]

М1- Так что, не смотрел ещё, сегодня вечером посмотрю.

М2- Ну я всё понял.

М1- Ну, завтра утром я сделаю.

М2- Угу, я уже буду как бы и знать, да, всё?

М1- Ну-у-

М2- Ну, всё понятно.. Дети же есть у тебя?

М1- Ну, конечно.

М2- Ты ж меня пойми.

М1- Это чё вы? Чё такое?

М2- Ну, не бог весть чё, ну, с Израиля у меня осталось, там-

М1- С Израиля?

М2- Ну да, в Израиле был.

М1- Так чё там?

М2- Так, на чёрный день оставлял.

М1- Вы мне деньги предлагаете, или чё?

М2- Ну-у, магарыч, зачем-

М1- Магарыч?

М2- Ну чё ты?

М1- Да.

М2- Ну чё ты?.....

М1- Ну ладно, ну всё-

М2- У тебя дети есть, извини ... Пойми правильно..

М1- Ну да ладно, ну ничё-...Хорошо, я понял.всё, давай.

М2- Всё, пошёл я.

Анализ лингвистических характеристик СТ (спорный текст) показал следующее.

СТ устный текст, содержащийся в файле «xxxx», зафиксирован с использованием средств русского языка, представляет собой квазиспонтанный неопосредованный диалог двух лиц с мужским типом голоса, различающихся тембральными характеристиками и

ролевыми функциями; имеет ситуационно обусловленное начало и завершение. - фразы, произнесённые в файле «xxxx», обозначены в установленном тексте дословного содержания как М1;

- фразы, произнесённые в файле «xxxx» гр.УУУУ, обозначены в установленном тексте дословного содержания как М2. СТ характеризуется наличием смысловых связей текстовых фрагментов и сочетаемостью элементов, смысловой, логической, формально-грамматической связанностью языковых единиц. Развитие темы происходит последовательно, микротемы распределены в соответствии с коммуникативным заданием, реализуемым собеседниками в процессе интеракции на всем протяжении разговора. Реплики собеседников взаимообусловлены по смыслу, на просодическом и интонационном уровнях соответствуют общему смыслу беседы.

С учетом специфики актуализации лексического, синтаксико-семантического, формально-логического, а также просодического уровней устно-речевого дискурса, были выбраны соответствующие методы анализа: аудитивного перцептивного, компонентного, концептуального, логико-грамматического, семантико-синтаксического, лексико-семантического, авторизации текста, структурной организации диалога, коммуникативной организации текста, анализа пресуппозиций, анализа пропозиций, функционально-прагматического анализа.

В процессе исследования использовались следующие термины и определения:

Адресант – лицо, которому принадлежит речь (текст), отправитель речевого сообщения.

Адресат – реальное или мыслимое лицо, к которому обращена речь (текст), получатель речевого сообщения.

Высказывание – единица сообщения, обладающая смысловой целостностью и могущая быть воспринятой слушающим (адресатом) в данных условиях общения.

Денотат - (от лат denotare – отмечать, обозначать). Предмет или явление окружающей нас действительности, с которыми соотносится данная языковая единица.

Деятельностная ситуация – ситуация, в рамках которой происходит речевое взаимодействие (разговор). Деятельностная ситуация, как правило, включает установление договоренности относительно разрешения референтной ситуации.

Диалог – это текст, создаваемый двумя партнёрами коммуникации, один из которых является инициатором коммуникации (адресантом) и задаёт программу развития текста, его интенцию, а другой – партнёр коммуникации (адресат) должен активно участвовать в развитии этой программы и не должен выходить за её пределы.

Иллокуция – составляющая часть речевого акта, прагматический компонент смысла высказывания, отражающий коммуникативную установку говорящего.

Императив – глагольные формы и конструкции со значением адресованного слушающему / читающему прямого волеизъявления говорящего / пишущего относительно выполнения называемого действия, независимо от того, кто будет исполнителем этого действия – адресат, адресант или лицо, не участвующее в речевом акте, или любая комбинация перечисленных лиц.

Каузация в широком смысле — значение, которое может быть передано как на номинативном, так и на коммуникативном уровне, — включает параметр причины, толчка

к изменению ситуации (говорящим, слушающим, третьим лицом, предметом, иной ситуацией на коммуникативном уровне) и, связанный с первым, параметр воздействия.

Ключевые слова – опорные слова, выражающие главную идею текста.

Коммуникативная ситуация – конкретная ситуация общения, в которую входят партнеры по коммуникации, условия и способы реализации коммуникативной задачи.

Коннотация – эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы узуального (закрепленного в системе языка) или окказионального характера. В широком смысле – любой компонент, который дополняет денотативное, а также грамматическое содержание языковой единицы и придает ей экспрессивную функцию.

Контекст – это те слова, которые окружают и сопровождают данное слово и придают ему необходимую однозначность.

Маркер авторизации – то, что указывает на источник сообщаемого.

Маскировка – изменение каких-либо элементов текста в процессе его порождения посредством различных приемов (пропуск, замена, искажение), не всегда имеющее криминологическое основание.

Номинация – образование языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, т.е. служащих для называния и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений.

Паралингвистические средства – невербальные средства речевого общения: фонационные (тембр, темп, громкость речи и т.п.); кинетические (поза, мимика, жесты); графические (почерк, символы). Относятся к ситуации в целом, выполняя роль смысловой поддержки.

Пресуппозиция (здесь) – компонент общих знаний говорящего и слушающего.

Пропозиция – совокупность номинаций, отдельных ситуаций, отвлеченных от модального содержания.

Референтная ситуация – значимая для коммуниканта(-тов) ситуация, о которой идет речь в происходящем разговоре и которая имеет место в прошлом или планируется в будущем.

Речевой акт – элементарное речевое действие. Отдельная реплика в диалоге, наделённая определённой иллокутивной силой и вызывающая определённый перлокутивный эффект.

Речевая коммуникативная интенция – коммуникативное намерение строить высказывание в определённом стиле и форме.

Сема – минимальный компонент значения слова.

Семантика – все содержание, информация, передаваемая языком или какой-нибудь его единицей.

Угроза – это предупреждение (я хочу, чтобы ты знал) о желании говорящего осуществить нежелательное (небенефактивное) действие для слушающего (или третьего лица), если тот совершил, совершает, совершит или возобновит нежелательное для

говорящего или третьего лица действие либо не совершил, не совершает, не хочет совершить или возобновить желательное для говорящего (реже — третьего лица) действие, которое обычно реализуется в активном эмоциональном состоянии говорящего.

Целеустановка – языковой способ представления, организации информации адресантом (говорящим), имеющий целью тот или иной вид воздействия на адресата, и как типичного его представителя — слушающего (вопрос, требование, просьба, совет, предложение, угроза, предостережение, возражение, подтверждение ит. д.).

Эксплицитный – выраженный с помощью языковых средств, специально предназначенных для данного выражения. Противопоставлен *имплицитному* – выраженному косвенно, в скрытой форме [\[2\]](#).

1. Решение вопросов №1, №3, №5: «Идёт ли речь в представленных на исследование аудиозаписях о передаче денежных средств от одного собеседника к другому? Каковы речевые указания на предназначение этих денежных средств?»; «Имеются ли в представленных на исследование аудио- и видеозаписях признаки побуждения к передаче денежных средств за совершение каких-либо действий, либо за бездействие? Если да, то о каких действиях, или о каком бездействии идёт речь? Кто является субъектом побуждения?»; «Имеется ли в представленных на исследование аудио- и видеозаписях речевой акт согласия на получение денежных средств?» проводилось совместно.

Были проанализированы деятельностная, коммуникативная и референтная ситуации, а также дословное содержание разговора, в результате чего было определено, что данной коммуникативной ситуации (встрече и разговору) предшествовала референтная ситуация, которая имеет место в прошлом.

Факторы коммуникативной ситуации:

- место – встреча и разговор происходят в кабинете гр. ХХХХ;
- количество участников – диалог, в разговоре участвуют два лица с мужским типом голоса – гр. ХХХХ и гр. гр.УУУУ;
- канал передачи информации/коммуникации – неопосредованный, визуальный;
- форма представления речевого материала – устная речь;
- иерархия/статусы коммуникантов – статусы коммуникантов в СТ неравноправны и соответствуют их ролям в происходящей коммуникативной ситуации:
 - а) лицо, обозначенное как М1, гр. ХХХХ – является сотрудником правоохранительных органов, экспертом, то есть должностным лицом, в производстве которого находится экспертиза по материалам проверки событий, имевших место в прошлом, в которых принимал участие сын гр. УУУУ;
 - б) лицо, обозначенное как М2, гр. УУУУ– «отец» лица, участвовавшего в событиях, имевших место в прошлом, по которым в настоящее время сотрудниками правоохранительных органов проводится проверка;
- публичность/приватность – СТ формально является приватным, так как гр. УУУУ не осведомлен о фиксации гр. ХХХХ коммуникативной ситуации на звукозаписывающее устройство, следует отметить, что данный факт повлиял на речевое поведение обоих

коммуникантов;

- целеустановки участников коммуникации – цели и интенции коммуникантов соотносятся с предвосхищенными каждым из них бенефактивными результатами коммуникации, а также обусловлены несвободным характером коммуникативной ситуации:

а) коммуникативная целеустановка лица, обозначенного в СТ как М1, гр. ХХХХ структурно подразделяется на открытую и скрытую: открытая заключается в установлении контакта с гр. УУУУ, в выяснении деталей референтной ситуации, имевшей место в прошлом, и роли в ней сына гр. УУУУ, скрытая целеустановка состоит в фиксации коммуникативной ситуации, а именно поведения и поступков гр. УУУУ с целью выявления противозаконных деяний;

б) коммуникативное намерение лица, обозначенного в СТ как М2, гр. УУУУ, состоит в достижении бенефактивного для него и его сына результата, а именно в решении проблемной ситуации, связанной с результатами экспертизы, проводимой гр. УУУУ

Представленный для исследования разговор является одним из совокупности тематически соотнесённых текстов, содержание которых раскрывается не одним отдельным текстом, но в комплексном взаимодействии многих текстов – нескольких коммуникативных событий/разговоров [20]. В связи с отсутствием всей совокупности разговоров, относящихся к представленной референтной ситуации, следует отметить, что некоторые сведения в речи коммуникантов, относящиеся к проблемной ситуации, способам её решения, а также детали референтной ситуации, являются пресуппозиционным компонентом знаний говорящих лиц, невыводимыми из контекста (данная коммуникативная ситуация – встреча и разговор – является продолжением ранее состоявшегося коммуникативного события).

Таким образом, исходя из анализа деятельностной, коммуникативной и референтной ситуаций, а также учитывая пропозициональное содержание текста, можно сделать вывод о том, что:

- тема СТ – выяснение деталей проблемой ситуации, имевшей место в прошлом, обсуждение сроков выполнения, деталей и результатов экспертизы, находящейся в производстве эксперта;

- предмет разговора на СТ – экспертное заключение, сроки выполнения, результаты, способы решения проблемной ситуации.

Для ответа на поставленные вопросы экспертом проводился поиск речевых (лексических, грамматических и синтаксических) репрезентантов, эксплицированных и имплицированных в СТ, входящих в семантическое поле понятия «денежные средства»: «Так чё там?», «Вы мне деньги предлагаете или чё?», «Ну-у, магарыч, зачем-», «Магарыч?».

Магарыч – от араб. [расходы, издержки] – разг.-сниж. Угощение (обычно включающее выпивку) в связи с заключением какой-либо выгодной сделки, получения премии, награды, новой должности и т.п. (устраивается той стороной, которая получила выгоду) [14].

Магарыч – разг.-сниж. Угощение - обычно с выпивкой - по случаю выгодной сделки или как вознаграждение за что-либо [9].

Вознаграждать – Результат такого действия; плата за труд, благодарность, награда [\[9\]](#).

Плата – Выплата денег за труд, службу, какие-либо услуги и т.п. [\[9\]](#).

Исходя из анализа ключевых слов, структурной организации диалогов и пропозиционального содержания СТ было установлено, что в представленном разговоре, состоявшемся между гр. ХХХХ и гр. УУУУ, имеется ряд директивных диалогических единств, в которых идёт речь о передаче гр. УУУУ гр. ХХХХ денежных средств, позиционирующихся гр. УУУУ как «вознаграждение за услугу», предоставленную ему гр. ХХХХ. Следует отметить, что в представленном СТ в значительной мере имплицированы сведения о сумме «вознаграждения», о характере «услуги», о наличии, либо отсутствии ранее состоявшейся/обсуждавшейся договоренности между коммуникантами.

Также было установлено, что в репликах лиц, участвующих в разговоре, отсутствуют устойчивые коммуникативные конструкции побуждения, глаголы с лексическим значением побуждения, коммуникативные параметры побуждения.

Следует отметить, что в результате анализа речевого поведения коммуникантов были выявлены следующие особенности:

1. Речевое поведение гр. ХХХХ обусловлено статусом коммуниканта. В речи гр. ХХХХ преобладают реплики-стимулы, он задаёт направленность разговора, конкретизирует предмет, следует отметить значительное количество однотипных, уточняющих вопросительных конструкций, тематически относящихся либо к сведениям личного характера о гр. УУУУ, либо к информации о сыне гр. УУУУ, реплики-реакции на вопросы гр. УУУУ либо отсутствуют, заменены нефонологическими звуками, растянутыми асемантическими / десемантизированными словами, либо представляют встречный вопрос.

На протяжении разговора гр. УУУУ проявляет вербальную пассивность, уходя от обсуждения наличия/отсутствия возможности решения проблемной ситуации гр. ХХХХ, способов, сроков, условий выполнения «услуги» и т.д. В момент передачи денежных средств гр. УУУУ продолжает задавать уточняющие вопросы, вербально не пресекая действий его – *«Ну да ладно, ну ничё...Хорошо, я понял.»*.

2. Речевое поведение гр. УУУУ обусловлено реализацией его целеустановки – достижение бенефактивного для него и его сына результата, а именно решение проблемной ситуации, связанной с результатами экспертизы, проводимой гр. ХХХХ. В речи гр. УУУУ в начале разговора преобладают реплики ответного характера, в момент передачи денежных средств отмечается использование однотипных синтаксических конструкций и применение средств вербального воздействия, а именно речевых средств, апеллирующих к нормам человеческого поведения – *«У тебя дети есть...», «Дети же есть? Ты ж пойми меня», «Пойми правильно...»* [\[15\]](#).

2. Решение вопроса №2: «Содержатся ли в представленных на исследование аудио- и видеозаписях требования передачи чужого имущества или права на него или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия, либо уничтожения или повреждения чужого имущества?».

В разговоре, состоявшемся между гр. ХХХХ и гр. УУУУ, зафиксированном на представленных оптических дисках, не выявлено побудительных конструкций в форме требования/угрозы к передаче чужого имущества, права на него или других действий

имущественного характера, а также не выявлено побудительных конструкций, содержащих семы насилия/агрессии.

3. Решение вопроса №4: «Имеются ли в представленных на исследование аудио- и видеозаписях признаки маскировки содержательных элементов разговора? Можно ли определить значение замаскированных элементов текста или их характеристики?».

В разговоре, состоявшемся между гр. ХХХХ и гр.УУУУ, зафиксированном на представленных оптических дисках, не выявлено признаков маскировки содержательных элементов разговора.

Таким образом, главной задачей лингвистической экспертизы по антикоррупционным делам является установление события по его речевому отображению посредством применения комплекса семантических и прагматических приёмов дискурсивного анализа, что позволяет уточнить признаки разговорного диалога, значимые для правовой квалификации речевых преступлений.

Библиография

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: Около 5 000 синонимических рядов. Более 20 000 синонимов — 7-е изд., стереотип. — М.: Русские словари, 1999.-505 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов – М., 2009.- 607 с.
3. Варлакова Т. В. Речевая провокация как объект судебной лингвистической экспертизы [Текст] / Т. В. Варлакова // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2013. — № 4. — С. 33-36.
4. Вязигина Н. В. Лингвистическая экспертиза по делам, связанным с коррупцией: проблема провокации взятки [Текст] / Н. В. Вязигина // Коммуникативистика в современном мире: материалы III Международной научной конференции. — Барнаул, 2012. — С. 190-193.
5. Вязигина Н. В. Методологические основы выявления провокации в лингвистической экспертизе по делам о коррупции [Электронный ресурс] / Н. В. Вязигина. — URL: http://lingvaexpert.ru/expert_says/publications/vyazigina-n-vmetodologicheskie-osnovy-vyyavleniya-provokatsiiv-lingvisticheskoy-ekspertize-po-dela/
6. Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза коррупционного дискурса: предмет, задачи и компетенции. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. №2. С. 6-14.
7. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – М., 2006.- 441 с.
8. Доронина С. В. «Командир! Может, договоримся?»: приемы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам [Текст] / С. В. Доронина // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2015. — Вып. 3 (53). — С. 245-250.
9. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3-х томах – М., 2006.-1168 с.
10. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи М.; 2011 г.-304 с.
11. Карпов Д. Л., Пожилова Д. Е. Анализ стратегии взяткодателя в подготовке экспертизы по антикоррупционным делам // Социальные и гуманитарные знания. 2018. Том 4, № 1. С. 38-43.
12. Карпов Д. Л. Тематический анализ в экспертном исследовании текста по антикоррупционным делам // Социальные и гуманитарные знания. 2017. Том 3, № 4.

С. 380–384.

13. Ключев Е.В. Речевая коммуникация. М., 1998. С. 10–11.
14. Кузнецов С.А. «Большой толковый словарь русского языка», СПб.; 1998 г.-1534 с.
15. Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева М.;2003 г.- 840 с.
16. Москвин В.П. Риторика и теория коммуникации. Виды, стили и тактики речевого общения. М., 2022.-218 с.
17. Сидорова Т. А. Диагностика взяточничества в экспертной деятельности лингвиста // Актуальные вопросы образования и науки. 2017. № 1 (59). С. 39-50.
18. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. В 2-х частях. Под ред. Е.И. Дибровой. – 4-е изд. – М., 2011 г.- 624 с.
19. Стернин И. А. Языковые маркеры коррупционного текста // Психолингвистика и лексикография. Вып. 4. Воронеж: РИТМ, 2017. С. 210–213.
20. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева.– 2-е изд. – М., 1998.- 682 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема рецензируемой статьи достаточно актуальна, одновременно с этим и сложна. Автор обращается к анализу особенностей лингвистической экспертизы текстов диалогов по антикоррупционным делам. В начале работы отмечено, что «в современном мире коррупцию выделяют как одно из наиболее пагубных социальных явлений, затрагивающих интересы национальной безопасности государств, оказывающих разрушающее воздействие на различные сферы общественной жизни, подрывающих авторитет органов государственной власти и управления, поскольку при коррупции органы государственной власти перестают осуществлять государственные функции и вместо исполнения функций по защите граждан превращаются в носителя опасности для их прав и свобод». С этим действительно можно согласиться и принять в качестве некоей данности. Считаю, что теоретическая основа исследования объективна: автор дает ссылку, что «в научных исследованиях Н.В. Вязигиной, Т. А. Сидоровой, С.В. Дорониной, Т.В. Варлаковой проведён коммуникативный анализ текстов-диалогов, имеющих признаки коррупционного содержания». Анализ имеющихся источников сделан выверено, объективно: «при проведении коммуникативного анализа коррупционного текста важно выявить признаки коррупционного речевого поведения. Признаками коррупционного речевого поведения в текстах-диалогах, по мнению Е.И. Галяшиной, являются «речевые акты: требование, понуждение, принуждение, просьба, обещание, предложение, уговоры и т.д.». Е.И. Галяшина также отмечает, что «обещание или предложение передать либо принять незаконное вознаграждение за совершение действий (бездействия) по службе при квалификации содеянного будут рассматриваться как умышленное создание условий для совершения соответствующих коррупционных преступлений...». Должный ряд ссылок оформлен в соответствии с требованиями издания; при этом и систематизация дается в режиме конструктивной выборки. Соразмерны в статье теоретический и практический блоки; закрыв номинатив теории автор переходит к рассмотрению / анализа конкретной ситуации. Логика анализа сопровождается группой вопросов: «При проведении экспертизы спорного текста перед экспертом поставлены следующие вопросы: 1. «Идёт ли речь в представленных на

исследование аудио- и видеозаписей о передаче денежных средств от одного собеседника к другому? Каковы речевые указания на предназначение этих денежных средств? 2. Содержатся ли в представленных на исследование аудиозаписях требования передачи чужого имущества или права на него или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия, либо уничтожения или повреждения чужого имущества? 3. Имеются ли в представленных на исследование аудиозаписях признаки побуждения к передаче денежных средств за совершение каких-либо действий, либо за бездействие? Если да, то о каких действиях, или о каком бездействии идёт речь? Кто является субъектом побуждения? 4. Имеются ли в представленных на исследование аудиозаписях признаки маскировки содержательных элементов разговора? Можно ли определить значение замаскированных элементов текста или их характеристики? 5. Имеется ли в представленных на исследование аудиозаписях речевой акт согласия на получение денежных средств?». Текст с которым работает исследователь полностью приведен в качестве примера для читателя, необходимый комментарий сделан: «в результате прослушивания был определен устный текст, имеющий отношение к предмету экспертного исследования, содержащийся в границах спорной фонограммы (в дальнейшем – текст на спорной фонограмме СТ на СФ)». Далее по тексту представлена полностью аналитическая раскладка: «анализ лингвистических характеристик СТ (спорный текст) показал следующее. СТ устный текст, содержащийся в файле «xxxx», зафиксирован с использованием средств русского языка, представляет собой квазиспонтанный непосредственный диалог двух лиц с мужским типом голоса, различающихся тембральными характеристиками и ролевыми функциями; имеет ситуационно обусловленное начало и завершение. - фразы, произнесённые в файле «xxxx», обозначены в установленном тексте дословного содержания как М1...» и т.д. Работа может быть примером / образцом для формирования текстов смежной тематической направленности. Методы анализа не противоречат современным наработкам; материал самостоятелен, вариантно объективен, интересен. Тема исследования соотносится с одной из рубрик и издания. В заключительном блоке автор отмечает, что «главной задачей лингвистической экспертизы по антикоррупционным делам является установление события по его речевому отображению посредством применения комплекса семантических и прагматических приёмов дискурсивного анализа, что позволяет уточнить признаки разговорного диалога, значимые для правовой квалификации речевых преступлений». Таким образом, констатирую: основная цель работы достигнута, задачи, поставленные в начале решены. Текст не нуждается в серьёзной правке и доработке; фактических нарушений не выявлено. Рекомендую статью «Особенности лингвистической экспертизы текстов диалогов по антикоррупционным делам» к открытой публикации в журнале «Полицейская деятельность».